ПРИКАЗЧИКЪ

Еженедѣльная газета,
посвященная интересамъ приказчиковъ и другихъ служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ.

Задача газеты — выясненіе приказчикамъ ихъ профессіональныхъ и гражданскихъ нуждъ и объединеніе ихъ силъ для дружной борьбы за улучшеніе ихъ экономическаго, правового и культурнаго положенія.

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой): ***въ С.-Петербургѣ*** на годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 10 коп.; ***въ провинціи*** на годъ 3 руб., на полгода 1 р. 60 к. Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

Подписка принимается: *Въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Демидовъ пер., д. 5, кв. 54 и въ книжномъ магазинѣ „Русской Газеты", Невскій, 52.*

РЕДАКЦІЯ (Демидовъ пер., 5, кв. 54) открыта ежедневно съ 2 до 4 ч. дня, кромѣ праздничныхъ дней.

5 Марта 1906 г. №. 1. Цѣна 5 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Товарищи приказчики!

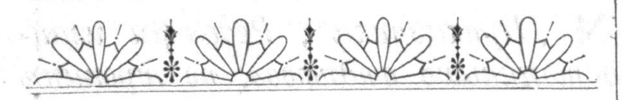
Насъ въ Петербургѣ живетъ и трудится свыше 150 тысячъ человѣкъ. Свыше 150 тысячъ приказчиковъ изо дня въ день тянутъ свою трудовую лямку, и жизнь какъ бы идетъ мимо нихъ. На цѣлый день прикованный къ своему прилавку, цѣлый день проводя подъ глазомъ хозяина, приказчикъ ни на минуту не принадлежитъ самъ себѣ, не можетъ вдуматься въ происходящія вокругъ него событія, не можетъ вмѣшаться въ волнующую всѣхъ борьбу. Его положеніе въ этомъ отношеніи, хуже даже, чѣмъ положеніе фабричныхъ рабочихъ.

Тѣ работаютъ плечо къ плечу, подъ одной крышей, работа сближаетъ, объединяетъ ихъ, заставляетъ ихъ видѣть другъ въ другѣ товарищей-борцовъ за общее дѣло. И изъ товарищескихъ узъ, объединяющихъ ихъ, родится ихъ вѣра въ свои силы и ихъ надежда на то, что не навсегда останутся они рабами, что рано или поздно порвутъ они тяготѣющія на нихъ оковы рабства и завоюютъ себѣ лучшую жизнь. У приказчиковъ нѣтъ этого объединенія въ трудѣ. Каждый приказчикъ предоставленъ лишь самому себѣ. Армія приказчиковъ не чувствуетъ себя сильной и грозной, т. к. между приказчиками нѣтъ тѣсной связи солидарности, какъ между товарищами-борцами. Этимъ и печально положеніе приказчиковъ.

Только дружное *объединеніе* приказчиковъ въ сознаніи своего положенія, въ стремленіи къ улучшенію своей жизни, можетъ поднять достоинство приказчичьяго сословія, можетъ уничтожить тотъ духъ самодурства, холопства, безправія, который царитъ теперь въ лавкѣ, можетъ заставить всѣхъ уважать и признавать въ приказчикѣ его человѣческое достоинство.

Товарищи приказчики!

Долго сносили мы свое безправіе,

5 марта 1906 года.

Приближаются у насъ выборы въ Государственную Думу. Но ничто въ настроенiи массъ не показываетъ, чтобы кто нибудь придавалъ этому серьезное значенiе. Сколько надеждъ возлагаетъ обыкновенно населенiе на выборы въ свое представительное собранiе! Какъ живо разгораются страсти въ дни предвыборной агитацiи во всѣхъ странахъ Западной Европы! И какъ безучастно относятся къ выборамъ въ свой первый парламентъ русскiе граждане!

Чѣмъ объяснить это странное явленiе?

Безсмысленно было бы объяснять его политической незрѣлостью нашего общества. Въ славные октябрьскiе и ноябрьскiе дни Русское общество достаточно ясно доказало всему мiру, что оно ужъ достаточно зрѣло въ политическомъ отношенiи. Смѣшно было бы объяснять безучастное отношенiе гражданъ къ Государственной Думѣ и тѣмъ, что всѣ у насъ такъ довольны всѣми существующими порядками, что никакихъ измѣненiй въ нихъ не желаютъ: такихъ довольныхъ у насъ, какъ извѣстно, не слишкомъ-то много.

Объясняется это безучастное отношенiе общества къ выборамъ тѣмъ, что общество, а особенно угнетенные классы его, не ждутъ отъ Думы *ничего путнаго*.

Выборы происходятъ у насъ при самыхъ невозможныхъ условiяхъ полицейскаго гнета,—въ то время, какъ всѣ лучшiе представители интересовъ трудящихся, всѣ лучшiе ихъ борцы томятся въ тюрьмахъ. Огромная часть пролетарiата устранена отъ участiя въ выборахъ вовсе (такъ напр., лишена избирательныхъ правъ большая часть приказчиковъ, живущихъ на хозяйскихъ квартирахъ и неимѣющихъ приказчичьихъ свидѣтельствъ). Оставшiеся на свободѣ и допущенные къ выборамъ рабочiе, пойдя при такихъ условiяхъ къ избирательнымъ урнамъ совершили позорную измѣну долгу солидарности съ товарищами.

Изъ пѣсенъ ночи.

(Посвящается Блюмѣ).

...«О близорукiе, не понимающiе жизни. О паразиты, разъѣдающiе общественный строй... О, счастливые, не знающiе счастья! Вамъ не доступно гордое величiе духа, вамъ чужды порывы гордой свободной мысли. Рожденные рабами, вы держите весь мiръ въ рабствѣ, подавляя свободный духъ, полный гордой мысли, вы куете цѣпи для тѣхъ, кто свободенъ, силенъ, гордъ! Вы стремитесь уничтожить идею, но уничтожаете трупъ. О глупцы. О безобразiе позора. О паразиты!» Такъ пѣла ночь въ своемъ безмолвiи. А онъ стоялъ облокотившись на подоконникъ и слушалъ пѣсню ночи.

Тяжелыя тѣни, какъ сказочныя чудовища, ползли по стѣнамъ, принимая разнообразныя уродливыя формы. Молчанiе глухое, острое безформенной массой разливалось по корридорамъ и камерамъ тюрьмы... Толстыя хмурыя стѣны недоумѣвая смотрѣли на него, тяжело, безшумно вздыхая.

Сводчатый потолокъ свертывался въ комъ и опускаясь давилъ его духъ, давилъ мысль, выжимая соки молодой свѣжей жизни.

Огромная рѣшетка повисла надъ дверью, хватая лапами блѣдный сѣрый свѣтъ, струей оdбивающiйсяц въ окно.

И все было пусто, одиноко въ этомъ безмолвiи, въ этомъ безцвѣтномъ мiрѣ.

Онъ жилъ безъ времени—въ пространствѣ. Что за стѣной звалъ ночь—ему представлялось днемъ, что—день, была для него была ночь.

Три друга, сильныхъ друга окружали его. Ихъ звали: Отчаянiе, Месть, Идея. Они терзали обнимали, душили его, а онъ дрожалъ и падалъ духомъ...

Онъ ненавидѣлъ всѣхъ. Святая гордая ненависть жгла его мозгъ, подтачивала нервы и убаюкивала мечтой.

— «О, хищники отравленные ложью. О рабы самихъ себя. О глупцы, считающiе себя счастливыми и гордыми. О поклонники мѣщанскаго идеала! Жалкiй разложившiйся трупъ представляете вы изъ себя, жалкiй, ненужный.

Зачѣмъ-же стали вы на пути? Къ чему ваша преграда, неужели гордому человѣку вы помѣшаете добраться до царства справедливости и разума? Сторонитесь! Онъ разобьетъ эти цѣпи и пройдетъ по вашимъ трупамъ точно по подмосткамъ, гордо и спокойно. Жизнь шагнула впередъ, и создала новый строй. Вы не понимаете ея: вашъ умъ притупился, точно долото послѣ долгаго долбленiя по одному и тому-же мѣсту. Ваша нѣкогда гордая, свободная мысль стала рабой безъ творчества, безъ силы. Вы взяли все отъ жизни, отъ той жизни, которая рванулась впередъ и оставила васъ у пропасти... Прошлое исторi—

Они совершили бы измѣну не только позорную, но и безцѣльную.

Своихъ представителей провести въ Думу имъ, все равно, не удалось бы. Еслибы два — три депутата отъ рабочихъ и проникли въ Думу то, что могли бы подѣлать они противъ 400 представителей отъ капиталистовъ, помѣщиковъ и деревенской полиціи (ибо представительство отъ крестьянъ сведено теперь къ представительству отъ полиціи)? Да и стоитъ ли имъ стараться воздѣйствовать на Думу? Вѣдь надъ Думой стоитъ еще Государственный Совѣтъ, а за Совѣтомъ войска съ пулеметами и пушками...

Рабочіе отлично понимаютъ это. Понимаютъ они и то, что Дума *недолго продержится*, что потокъ Исторіи смететъ ее, какъ пылинку. Понимаютъ это труженики—пролетаріи и ***отказываются отъ всякаго участія въ безцѣльной и унизительной комедіи выборовъ.***

Вотъ почему такъ спокойно и безжизненно проходитъ у насъ выборная компанія. Пусть же и далѣе протекаетъ она въ томъ же „блистательномъ“ порядкѣ — безъ всякаго участія народа. Пусть и закончится она такъ же „блестяще“! Пусть для всѣхъ будетъ ясно, что россійскій пролетаріатъ не извѣрился въ своихъ силахъ и не продаетъ своего первородства, своей борьбы за свободу, за чечевичную похлебку, заваренную Булыгинымъ и доваренную графомъ Витте!

С. П.

Къ выходу въ свѣтъ № 1 „Приказчика“.

(Голосъ изъ публики).

Впервые голосъ приказчика подымается надъ толпою. Многотысячное приказчичье населеніе, разсѣянное по магазинамъ и лавкамъ во всѣхъ частяхъ города, мало привлекало до сихъ поръ вниманіе публики. Выходъ въ свѣтъ газеты „Приказчикъ“ безъ сомнѣнія будетъ встрѣченъ самымъ горячимъ сочувствіемъ, какъ среди тружениковъ-приказчиковъ, утомленныхъ рабствомъ и мракомъ настоящей ихъ

ваше жилище. Вы лишніе — сторонитесь! Смотрите... Вонъ идетъ гордый, величавый человѣкъ. Глаза горятъ, лучезарная идея опоясала его и запечатлѣла на его лбу мысль. Его мускулы сжаты и вызываютъ васъ на борьбу. Онъ живетъ—не прозябаетъ. Онъ дѣтище справедливаго міра, міра любви и гармоніи разума. Старый міръ разрушенъ. Бурный потокъ жизни подхватываетъ его останки и уноситъ въ бездну прошлаго».

Такъ пѣла ночь въ своемъ безмолвіи·

Гордой, могучей, сильной рисовалась ему новая жизнь... Ничтожной и смѣшной вставала передъ нимъ та, въ которой копошатся милліоны людишекъ, маленькихъ, ничтожныхъ людишекъ.

Гдѣ-то надъ ухомъ каркнулъ воронъ, черный, безобразный демонъ ночи.

Молчаніе вздрогнуло. Звукъ поразилъ его слухъ, и онъ впился въ безконечную бездну ночи.

— «О, свободная мысль! О, великое божество разума! Изъ ничтожества, изъ пепла прошлаго ты извлекаешь силу, гонимая, ненавидимая глупцами, ты идешь впередъ, поднимаясь къ созвѣздію Скорпіона, чуждая предразсудка, чистая какъ кристалъ, гордая какъ демонъ. Ты любишь сильныхъ духомъ, ты творишь новую жизнь, ты создала гармонію въ мірѣ, воплощая въ себѣ торжество тѣхъ, кто борется съ подлостью и предразсудкомъ. О, сильная сильныхъ! Ты сметешь съ лица земли всю проказу, всю пошлость; какъ золото проходитъ черезъ огненное горнило, — такъ и ты проведешь черезъ это пламя гордаго человѣка въ новый, свободный, гармоничный міръ».

Такъ пѣла ночь въ своемъ безмолвіи.

И ему не казалось уже такой страшной тюрьма. Невольный хохотъ, саракастическій хохотъ—злобно огласилъ камеру.

Онъ смѣялся. Онъ плакалъ. Онъ смѣялся.

Люди, тѣ люди, что жили тамъ за стѣной, ему казались теперь маленькими, мизерными и ничтожными, слабыми рабами, рабами самихъ себя. Онъ понялъ пѣснь. Онъ понялъ величіе своего духа. Его глаза блестѣли огнемъ. Кровяные шарики быстрѣе циркулировали въ организмѣ. И камера, та камера, что отравляла ему жизнь — превратилась въ «ничто».

Онъ новый человѣкъ. Онъ гордый, великій человѣкъ,—онъ дитя новаго міра.

Предъ нимъ яркимъ пламенемъ горѣла идея. Сильнымъ, гордымъ казался ему грядущій человѣкъ, гармонично звучали ноты ночи...

— О близорукіе глупцы не понимающіе счастья! О рабы—самихъ себя! О счастливые не не знающіе счастья.

И. Лѣсной.

